

ЗАМѢТКИ по поводу послѣднихъ изслѣдованій о «Русско- Шведской войнѣ 1808—1809 гг.».

(Продолженіе ¹⁾).

Считаясь съ возстановленнымъ фактомъ — намѣреніемъ про-
извести внушительную демонстрацію, т. е. «учинить пред-
пріятіе къ движенію», а также съ моментомъ перехода этого
предпріятія въ войну, объявленную шведами «самымъ дѣ-
ломъ», которое было ими засвидѣтельствовано изданіемъ манифе-
ста ядрами, перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса: *доказано ли, что
у насъ существовалъ планъ войны?*

Правильное разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ для исторіи вой-
ны 1808—1809 гг. чрезвычайное значеніе, потому что отрицатель-
ный на него отвѣтъ подтвердитъ правдивость отрицанія намѣреній
Россіи вести войну со Швеціей, а положительный отвѣтъ обнару-
житъ невольно, что у насъ въ 1807—1809 гг. факты расходились
съ дѣломъ, а слѣдовательно довѣрять имъ нельзя...

Во избѣжаніе недоразумѣній, предоставимъ слово первымъ и по-
слѣднимъ историкамъ, отмѣтивъ вкратцѣ разрѣшеніе ими поставле-
наго выше вопроса.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 4.

Какъ это ни странно, но ни у одного изслѣдователя войны 1808—1809 гг. мы прямого отвѣта не найдемъ, но за то столкнемся съ цѣлымъ рядомъ разсужденій, по которымъ читатель долженъ самостоятельно заключить, что планъ войны будто бы и былъ, а могъ и не быть.

Графъ П. К. Сухтеленъ, первый составитель «*простого изложенія событій*» 1808—1809 гг., настолько осторожно отнесся къ вопросу о планѣ войны, что въ своихъ краткихъ описаніяхъ, изданныхъ въ 1827 г. на французскомъ языкѣ и въ 1832 г. на русскомъ (переводъ 1-го изданія), не только обошелъ его молчаніемъ; но даже свое сочиненіе назвалъ: «*Картиною военныхъ дѣйствій въ Финляндіи*, въ послѣднюю войну Россіи со Швеціей въ 1808 и 1809 годахъ». Въ этомъ сочиненіи на первыхъ же страницахъ мы найдемъ важное историческое указаніе о томъ, что въ дѣйствительности намъ войну объявили самымъ дѣломъ (см. стр. 2).

Нашъ исторіографъ А. И. Михайловскій-Данилевскій въ своемъ «Описаніи Финляндской войны въ 1808—1809 годахъ (1841 г.)» также не говоритъ о планѣ войны, а касается лишь *операционнаго плана* (см. стр. 1 и 13), сразу же указывая, что «вступая въ Финляндію, намѣрены были занять сколько можно болѣе пространства земли». Затѣмъ, цитируя донесеніе графа Буксгевдена, онъ, опредѣленно отмѣчаетъ, что съ 24-го февраля былъ принятъ *новый* операционный планъ, такъ какъ прежній — «*черезъ пріобрѣтеніе Тавастгуса принялъ другой видъ*». (стр. 28).

Такимъ образомъ, наши первые историки если и не дали точнаго отвѣта относительно плана войны, то во всякомъ случаѣ они описали происшествія, которыми сопровождалось наше вступленіе въ Шведскую Финляндію, въ такихъ выраженіяхъ, что отрицать наличие «предпріятія къ движенію» не приходится. Правда, они не раздѣляютъ рѣзкой чертой «предпріятіе» и войну, но за то дѣло представлено ими въ томъ, по выраженію Михайловскаго-Данилевскаго, «*настоящемъ видѣ*», что новые факты, восстановленію которыхъ мы посвятили нѣсколько статей, лишь закрѣпляютъ правильность сдѣланныхъ въ 1827 и 1841 гг. выводовъ, а не опровергаютъ ихъ.

Съ теченіемъ времени, предѣлы историческихъ изслѣдованій эпохи 1807—1809 гг. все расширялись и расширялись, а поэтому неудивительно, что къ 100-лѣтнему юбилею Русско-Шведской войны секретъ плана войны оказался разоблаченнымъ.

Инициаторами этого разоблаченія являются, конечно, прежде всего шведскіе историки, такъ какъ они, доказавъ наличие какихъ

то приготовленій къ войнѣ (которыхъ въ дѣйствительности, какъ мы документально подтвердили, не существовало),—безусловно вынуждены были разъяснить заодно и тайну плана войны.

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ шведскомъ юбилейномъ изданіи—«Шведская война 1808—1808 гг. (см. II, стр. 60): «Планъ кампаніи ставилъ цѣлью занятіе всей Финляндіи вплоть до Ботническаго залива. Планъ этотъ, въ основныхъ своихъ частяхъ, былъ составленъ еще до назначенія Буксгевдена главнокомандующимъ. *По словамъ Стединка*, онъ былъ разработанъ генераломъ Сухтеленемъ при содѣйствіи генераловъ Пфуля и Оппермана».

Не касаясь вопроса о томъ, что даже въ учебникахъ рекомендуется не смѣшивать два различныхъ понятія—планъ войны и планъ кампаніи, а не только считать ихъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, равнозначущими, мы особенно обратимъ вниманіе на то, что историки откровенно признаются, что и тутъ безъ «словъ Стединка» обойтись было невозможно. «Слова» же послѣдняго, какъ намъ приходилось неоднократно отмѣчать въ предыдущихъ статьяхъ, далеко не принадлежать къ категоріи непогрѣшимыхъ, а потому нельзя не признать нѣсколько страннымъ, что и черезъ 100 лѣтъ шведскіе историки не считаютъ нужнымъ свѣрить «слова» съ фактами, не смотря на давнія предостереженія, что шведскій посланникъ при С.-Петербургомъ дворѣ *«находился въ заблужденіи»*. Такое предостереженіе сдѣлалъ, напримѣръ, графъ П. К. Сухтеленъ еще въ 1827 г. въ извѣстной «картинѣ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи» (см. стр. 2), и сдѣлалъ его вполне основательно, что далѣе и подтвердимъ.

Стедингъ, какъ извѣстно, при Русскомъ Дворѣ находился съ первыхъ дней царствованія Императора Александра I, а поэтому онъ являлся невольнымъ, если не свидѣтелемъ тѣхъ преобразований, которыя совершались въ періодъ 1801—1808 гг., то во всякомъ случаѣ лицомъ, которое могло быть достаточно освѣдомленнымъ въ полезныхъ для Шведскаго правительства свѣдѣніяхъ. Конечно Стедингъ не могъ знать, что въ 1801 г. была учреждена Воинская Комиссія «для разсмотрѣнія положенія войскъ и устройства оныхъ», причемъ ей было предоставлено право касаться не только «главныхъ предметовъ», перечисленныхъ въ особой программѣ, но и всего того, что «найдетъ нужнаго и полезнаго ко введенію или отмѣнѣ». Думается, что работы этой комиссіи должны были бы интересовать Стединга, который, судя по его дѣятельности въ періодъ, предшествовавшій войнѣ 1808—1809 гг.,

умѣлъ изыскивать способы получать нужныя свѣдѣнія, что и въ данномъ случаѣ, какъ намъ кажется, было далеко не лишнимъ.

Дѣло въ томъ, что въ названной комиссіи, въ числѣ прочихъ вопросовъ, разсматривались, между прочимъ, и вопросы мобилизаціоннаго характера, при чемъ матеріалами для послѣдней работы, напримѣръ, послужили: 1) «Піеса о расположеніи войскъ по инспекціямъ», составленная въ 1802 г. генераломъ Русановымъ, и 2) «Разсужденія» и «*Начертанія на случай военныхъ ополченій*», представленныя 15-го іюня 1802 г. инженеръ и квартирмейстеръ-генераломъ *Сухтеленомъ* ¹⁾.

Генераль Русановъ, «судя по политическому существованію сосѣдственныхъ народовъ», опредѣленно указывалъ, что «*Швеція всегда наведетъ заботу* сильнымъ со своей стороны *нападениемъ* сухимъ путемъ и водою». Полагаемъ, что онъ прозорливо опредѣлилъ значеніе Швеціи, что въ полной мѣрѣ подтвердилось въ 1807—1808 гг., когда союзъ Швеціи съ Англіей *навелъ сугубую заботу*.

Генераль же Сухтеленъ въ своихъ «начертаніяхъ» главнѣйшею цѣлью поставилъ себѣ «показать откуда получить войска» въ случаѣ одновременной войны на различныхъ фронтахъ, а также разсмотрѣть «самоскорѣйшее собраніе войскъ къ каждой границѣ», что имѣло особенное значеніе въ то время, когда у насъ постоянныхъ организаціонныхъ соединеній всѣхъ родовъ войскъ не было, а арміи составлялись, по мѣрѣ надобности, изъ отдѣльныхъ полковъ, баталіоновъ и даже командъ. Подтверждая свое «умозаключеніе», что «*не должно выступатъ въ поле съ малыми арміями, ибо лучше произвести скорый и рѣшительный ударъ, нежели изнуряться усиліями, недостаточными и постепенными*», генераль Сухтеленъ привелъ пять примѣрныхъ предположеній составленія армій, причемъ для Финляндіи признавалъ допустимымъ лишь два варіанта—*въ Финляндію необходимо назначатъ, смотря по одновременному веденію войны на 2 или 3 фронта, армію въ 58,000—47,000 чел.*

¹⁾ Подлинники записокъ генераловъ Русанова и Сухтелена хранятся въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства (См. опись 1-ю, книгу № 138 и секр. отд. 1802 г. дѣло № 2 а). Содержаніе и разборъ этихъ документовъ напечатаны въ 1902 г. въ составленномъ авторомъ настоящей статьи «Историческомъ очеркѣ организаціи, расквартированія и передвиженія войскъ въ 1801—1805 гг.» (см. стр. 148—184). Считая эти указанія достаточными, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи есылокъ на эти документы дѣлать не будемъ.

Воинская комиссія, рассмотрѣвъ предположенія и начертанія генерала Сухтелена, не только одобрила ихъ, но даже «изъяснила» подробности сосредоточенія отдѣльныхъ войсковыхъ частей и установила организацію арміи, которую рекомендовала раздѣлить *на два главныхъ корпуса* (15,000 и 10,000 чел.), *три деташемента* (по 5,000 чел.) и *резервъ* (остающее отъ распредѣленія). Мало того, комиссія намѣтила и общій характеръ первоначальныхъ дѣйствій, указывая слѣдующее: 1) одинъ корпусъ наступаетъ отъ Давыдова на фронтѣ Мендугарія (Мейдигарду)—Виола, а другой—изъ Фридрихсгама къ Аборгфорсу, причемъ послѣдній дѣйствуетъ совместно съ флотиліей; 2) деташемента—предназначаются частью для дѣйствій къ сѣверу, частью для охраны линіи Вильманstrandъ-Нейшлотъ и окрестностей; 3) резервъ—вводится въ дѣло, смотря по успѣхамъ, но назначеніе его подкрѣплять главный корпусъ, движенія котораго «весьма тѣсно соединяются съ успѣхами гребной флотиліи», обезпечивающей морской берегъ и дѣлающей «ненужными войска, къ охраненію его употребленныя»...

Считая излишнимъ доказывать, что приведенныя выше мобилизаціонныя соображенія во всякомъ случаѣ были интересны и для Стединга, мы подчеркнемъ слѣдующее:

1) воинская комиссія, получивъ представленную генераломъ Сухтеленомъ мобилизаціонную работу 15-го іюня 1802 г., лишь къ январю 1803 г., т. е. *черезъ шесть мѣсяцевъ*, закончила свои «изъясненія», что составляетъ срокъ, вполне достаточный для развѣдки;

2) *исключеніе наступленія въ періодъ зимняго времени*, наиболѣе вевыгоднаго для Швеціи,—свѣдѣніе для Стединга чрезвычайной важности;

3) содѣйствіе генерала Сухтелена работамъ воинской комиссіи, въ составъ которой онъ былъ особо назначенъ лишь въ 1802 г., должно было навести Стединга на мысль, что нечего удивляться въ 1807 г. что ходятъ слухи о занятіяхъ генераль-квартирмейстера своимъ же дѣломъ, потому что этимъ онъ-же занимался и ранѣе, въ 1802—1803 гг.

Но почему же не удалось Стедингу, судя по заявленію историковъ, проникнуть въ тайны мобилизаціоннаго росписанія 1802 года?

Думается, что исключительно благодаря особымъ мѣрамъ, принятымъ для охраненія секрета. Когда въ январѣ 1803 г. воинская комиссія представила всеподданнѣйшій докладъ о своихъ рабо-

тахъ, то Императоръ Александръ I, возвращая все оное со всемирнѣйшимъ благоволеніемъ, повелѣлъ *хранить подъ секретомъ*. Комисія же «особымъ журналомъ учинила», что все, «принадлежащее сей матеріи», надлежитъ ввѣрить правителю канцеляріи генералу Русанову, которому и указать *хранить за своею печатью*. При такомъ поучительномъ способѣ хранения секретовъ, извѣстныхъ къ тому же лишь нѣсколькимъ лицамъ, узнать что либо было дѣйствительно трудно, а поэтому Стедингкъ не могъ не «заблудиться» въ развѣдкѣ происхожденія плана войны, который, по его мнѣнію, долженъ же былъ быть.

Для предотвращенія тревоги о томъ, что уже въ 1803 г. у насъ были намѣренія на шведскую Финляндію,—мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что пакетъ съ «секретами» хранился въ полной неприкосновенности свыше 50-ти лѣтъ. Только *15-го декабря 1854* г. ген.-адъют. Катенинъ, дежурный генералъ главнаго штаба, приказалъ вскрыть и подшить все, не исключая и конверта, къ дѣлу.

Полагаемъ, что это бережное охраненіе пакета и было причиною, что нашъ исторіографъ Михайловскій-Данилевскій обошелъ молчаніемъ существованіе мобилизаціоннаго росписанія 1802 г. Не сомнѣваемся также и въ томъ, что даже самые строгіе критики не вмѣнили бы ему этого въ вину, потому что названное росписаніе и къ 1807—1808 гг. представляло лишь историческій интересъ и, очевидно, не могло имѣть никакого примѣненія, что въ полной мѣрѣ подтверждается не только фактической стороною измѣнившихся обстоятельствъ, но и нашей неготовностью даже и къ демонстративному «нѣкоторому предпріятію къ движенію», подробности котораго мы документально возстановили.

Шведскимъ же историкамъ, составителямъ юбилейной исторіи «Шведской войны 1808—1809 гг.», обходить молчаніемъ *напечатанные* въ 1902 г. документы, конечно, не слѣдовало. Русское мобилизаціонное росписаніе 1802 г., сущность котораго была изложена выше, несомнѣнно навело бы ихъ на мысль, что «слова Стедингкка», обнаружившаго въ данномъ случаѣ полную неосвѣдомленность, безусловно требуютъ основательной провѣрки и документальныхъ доказательствъ.

Въ виду того, что послѣдующіе историки разъясняютъ мнѣніе шведскихъ историковъ о «планѣ кампаніи», то мы временно отложимъ наше заключеніе о послѣднемъ, а рассмотримъ сперва эти разъясненія.

Продолжателемъ шведскихъ историковъ является г. П. фонъ-Герихъ, авторъ компилятивнаго труда, подъ названіемъ: «*Завоеваніе Финляндіи*» (I выпускъ изданъ въ 1904 г., а II въ 1905 г.).

Займствуя многое у шведскихъ историковъ, г. П. фонъ-Герихъ нѣсколькими штрихами исправилъ ихъ краткое заявленіе и, дополнивъ замѣченные пропуски, начерталъ буквально слѣдующее (см. стр. 174—176):

«*Въ концѣ 1807 г. (?) генералы Сухтеленъ, Пфуль и Опперманъ усиленно трудились надъ составленіемъ плана предстоящей (?) кампаніи, и во время этихъ работъ русскіе дѣятели невольно вспомнили о прекрасномъ знатоку Финляндіи генералѣ Спренгпортенѣ... 30-го декабря Спренгпортенъ былъ вызванъ къ Императору Александру I для совѣщанія и на всѣхъ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ относительно похода присутствовалъ въ качествѣ знатока финскихъ дѣлъ... Въ серединѣ января Буксгевденъ прибылъ въ С.-Петербургъ для совѣщаній съ военнымъ и морскимъ министрами и со Спренгпортенемъ, результатомъ которыхъ явился планъ, представленный Буксгевденомъ Императору. Принятый (?) планъ кампаніи сходенъ съ проектомъ Спренгпортена и ставилъ цѣлью оккупацию всей Финляндіи до Ботническаго залива...»*

Прочтешь такую тираду и невольно скажешь: слишкомъ много совѣщаній и плановъ, но все-таки изображено картинно, а главное—не обезображено ссылками на источники. Впрочемъ, —считаемъ нужнымъ оговориться, — встрѣчается голословная ссылка (см. стр. 176) на «дневникъ генерала Голенищева-Кутузова» и на извѣстный г. П. фонъ-Гериху «*всеподданнѣйшій операціонный планъ Буксгевдена*» (sic!).

Какъ бы для разъясненія неопровержимости увѣреній г. П. фонъ-Гериха, въ послѣднемъ трудѣ спеціалиста-историка г. М. М. Бородкина, издавшаго «Исторію Финляндіи» за время Императора Александра I, мы находимъ слѣдующія указанія:

1) Свѣдѣнія о «составленіи плана похода противъ Финляндіи» сообщилъ безусловно Стедингкъ (см. стр. 47), который въ свою очередь узнавалъ многое «отъ окружающихъ Спренгпортена», неуфѣвшаго соблюсти должной молчаливости (стр. 44).

2) Спренгпортенъ, отличавшійся *хвастливостью, чванливостью и гордостью* отъ оказанныхъ ему милостей, пользовался столь сомнительною репутаціею, что даже самъ Стедингкъ въ концѣ концовъ назвалъ его «*скотиною*» (стр. 45).

3) Авторъ дневника, генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, оказывается «*близкимъ знакомымъ Спренгпортена*» (стр. 47), съ розказней котораго, вѣроятно, и заносились въ дневникъ откровенныя бесѣды Императора Александра I со Спренгпортенемъ о «судьбѣ Швеціи» и т. п.

Разъ главнымъ источникомъ оказывается г. Спренгпортень, то понятно, что на страницы исторіи должно было попасть не мало фактовъ, по нашему мнѣнію, сомнительной достовѣрности.

Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, въ высшей степени любопытны заявленія г. П. фонъ-Гериха, рисующаго Спренгпортена чуть ли не руководителемъ совѣщаній, безъ участія котораго разработка «плана кампаніи» будто бы почти что была невозможна. Конечно, автору «Завоеванія Финляндіи», умножившему до нельзя число совѣщаній, неизвѣстны были обстоятельства, коими сопровождалось рѣшеніе учинить демонстративное «предпріятіе» и такъ называемую нашу подготовку къ послѣднему, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ обратилъ бы свое вниманіе на то, что даже простой хронологическій перечень распоряженій, отданныхъ за недѣлю до перехода нашими войсками шведской границы (см. «Военный Сборникъ» № 4, стр. 102 и слѣд.), исключаетъ предположеніе о какомъ-либо «планѣ».

Хотя и убѣжденно рассказываетъ г. П. фонъ-Герихъ сразу о *нѣсколькихъ планахъ кампаніи*, будто бы постепенно разработанныхъ: генераломъ Сухтеленемъ съ сотрудниками, графомъ Буксгевденомъ съ министрами и Спренгпортеномъ, однимъ графомъ Буксгевденомъ (всепоподаннѣйшій операціонный планъ) и, наконецъ, однимъ Спренгпортеномъ (проектъ плана), но въ общемъ, благодаря этому разсказу, сомнѣніе въ достовѣрности «плана кампаніи», конечно, не исчезаетъ, а увеличивается.

Чтобы закончить вопросъ о происхожденіи плана войны, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что нѣкоторые историки не вполне правильно объясняютъ роль Чичагова въ такъ называемой «выработкѣ плана». И г. П. фонъ-Герихъ, и г. М. М. Бородинъ утверждаютъ, что адмиралъ Чичаговъ участвуетъ въ совѣщаніяхъ и что «Императоръ съ нимъ совѣтуется», но при этомъ упускаютъ изъ вида, что на Чичагова было возложено *особое* серьезное порученіе, которымъ онъ и былъ озабоченъ ¹⁾.

Стоитъ только припомнить, что, благодаря «поведенію Англіи», Россіи пришлось принять цѣлый рядъ мѣропріятій по оборонѣ Бал-

¹⁾ Послѣдующее изложеніе обосновано какъ на нашихъ «Замѣткахъ», такъ и на слѣдующихъ источникахъ: а) *И. Г. Фабриціусъ*. «Историческій очеркъ главнаго инженернаго управленія», ч. 1, стр. 48 и слѣд.; б) *Весело*. «Краткая исторія русскаго флота», вып. 2, стр. 391; в) росписаніе арміи отъ 18-го апрѣля 1808 г.—арх. артил. истор. музея, дѣла штаба ген.-фельдцейхм., св. 1022, дѣло № 888; г) *Михайловскій-Данилевскій*. «Описаніе Финляндской войны 1808—1809 гг.», стр. 130 и слѣд.

тійскаго побережья, какъ намъ ясно станеть, что съ отозваніемъ въ С.-Петербургъ организатора «вообразительной обороны», графа Буксгевдена, дѣло это осталось безъ руководителя именно въ то время, когда его надлежало завершить окончательно. Въ интересахъ дѣла, Императоръ Александръ I призналъ необходимымъ объединить сухопутную и морскую оборону побережья въ рукахъ одного лица, каковымъ и былъ избранъ адмиралъ Чичаговъ, какъ морской министр, пользовавшійся къ тому же Государевымъ довѣріемъ. Въ «команду» адмирала Чичагова были отданы не только всѣ войска, находившіяся на охранѣ побережья изъ за Либавы до Нарвы, крѣпости съ ихъ командами, но даже назначены и новыя войсковыя части для организаціи охраны побережья отъ Нарвы до Ораніенбаума.

Успѣшное выполненіе возложеннаго на адмирала Чичагова порученія требовало усиленной дѣятельности и массы сношеній съ различными инстанціями, а особенно съ военнымъ министромъ (съ января 1808 г. съ графомъ Аракчеевымъ), причемъ приходилось обращаться и непосредственно къ Государю съ соотвѣтствующими докладами. Кромѣ того, адмиралъ Чичаговъ, конечно, долженъ былъ быть въ курсѣ общаго положенія дѣлъ, «касательно сношеній съ Стокгольмскимъ дворомъ», а поэтому могъ участвовать и при обсужденіи различныхъ вопросовъ, относившихся до Финляндіи. Считать же, что это участіе выражалось въ «выработкѣ плана войны», подкрѣпляя это заключеніе ссылкой на письма Коленкура, не достаточно основательно.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что доказательства существованія плана войны не выходятъ за предѣлы «словъ Стединка», слышавшаго въ свою очередь отъ другихъ лицъ, вѣровавшихъ въ Спренгпортена, при чемъ документальныя подтвержденія замѣняются цитатами дневника «близкаго знакомаго» Спренгпортена и писемъ посла, который усиленно подчеркиваетъ значеніе своего я при Русскомъ дворѣ.

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшаетъ вопросъ о планѣ войны послѣдній русскій изслѣдователь войны 1808 — 1809 годовъ, г. П. А. Нивѣ (см. «Воен. Сборникъ» 1908 годъ, № 4, стр. 8 и слѣд.).

Исходя изъ указанія, что «у насъ послѣ войны 1788—1790 гг. *озабочивались* обезпеченіемъ финляндской границы и *подготовкою* такъ называемой «*Старой Финляндіи*» въ качествѣ базы для

возможныхъ операций противъ Швеціи», онъ постепенно создаетъ историческій фундаментъ плана, признавая нужнымъ «для правильной оцѣнки нашихъ будущихъ операций въ войну 1808—1809 гг., предварительно близко ознакомиться съ воззрѣніями Суворова на образъ дѣйствій въ Финляндіи», а затѣмъ, разсмотрѣть и воззрѣнія генераль-аншефа А. И. Бибикова, изложенныя въ «мнѣніи о наступательной войнѣ противъ Швеціи въ Финляндіи».

Казалось бы, что мы должны, вслѣдъ за «изученіемъ наброска мыслей фельдмаршала въ примѣненіи къ обстановкѣ 1808 г.» и обнаруженія заблужденія А. И. Бибикова относительно «возможности привлечь финновъ мирными путями на свою сторону»,— встрѣтить опредѣленныя указанія, что стоитъ только разсмотрѣть нашъ планъ войны, какъ придемъ къ заключенію, что именно воззрѣнія Суворова и Бибикова и повліяли на составленіе плана. Однако, вмѣсто этого г. П. А. Нивѣ, видимо, считая существованіе плана войны *безспорнымъ*, сразу же утверждаетъ, что убѣжденіе о «привлеченіи финновъ»— *легло въ основаніе плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій»,* причемъ подчеркиваетъ и слѣдующее: «Такъ какъ цѣлью всей войны было пріобрѣтеніе всей Финляндіи, то *ближайшею цѣлью* предстоящихъ операций *поставлено было попросту занятіе всей территоріи края вплоть до Ботническаго залива».*

Такое рѣшительное заключеніе, не вытекающее ни изъ Суворовскихъ предложеній, ни изъ мнѣнія Бибикова, конечно, привело къ тому, что планъ исторически оказался какъ будто и обоснованъ. Мы говоримъ какъ будто обоснованъ потому, что г. П. А. Нивѣ не нашель нужнымъ отмѣтить приведенную выше разработку мобилизаціоннаго росписанія 1802 г., съ положеніями котораго слѣдовало бы также считаться.

Разъ историческая основа плана была найдена, то оставалось закрѣпить ее и все-таки указать нужные для этого документы. Послѣднее г. П. А. Нивѣ исполняетъ слѣдующимъ образомъ.

Найдя «мнѣніе ген.-отъ-инф. Буксгевдена о переходѣ черезъ границу» (*даты на этомъ документѣ не имѣется*)¹, въ одномъ дѣлѣ (Военно-учен. арх., отд. II, № 1651), г. П. А. Нивѣ призналъ его за «*первоначальный планъ графа Буксгевдена*». Въ другомъ дѣлѣ (№ 4418) оказались: а) документъ, «*несомнѣнно писанный* рукою ген.-анш. Бибикова (что доказывается сличеніемъ по-

черковъ!) и *безспорно (?) повліявшій при составленіи нашего операціоннаго плана*, и б) «начертаніе» (или самый планъ), въ которомъ *«приводится та же основная мысль... которая была осуществлена на дѣль Буксгевденомъ и Сухтеленемъ»*. Это дало поводъ г. П. А. Нивѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи «начертаніе» переименовать въ планъ Буксгевдена и Сухтелена.

Въ общемъ, хотя сущность плана оказалась реставрированной, но съ нимъ приключилось несчастіе, — *«окончательный текстъ въ дѣлахъ не сохранился»*. По мнѣнію г. П. А. Нивѣ, съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ надо примириться: *о планъ «можно судить по исполненію»*.

Конечно, въ безвыходныхъ случаяхъ такой методъ сужденія о предыдущемъ по послѣдующему можетъ быть и примѣнимъ, но врядъ ли удобенъ для историческаго изслѣдованія, имѣющаго, между прочимъ, цѣлью представить событія 1807 — 1809 гг. въ «настоящемъ видѣ», а не въ приблизительной вѣроятности.

Такимъ образомъ, и г. П. А. Нивѣ совершенно самостоятельно пришелъ къ тому же выводу, какъ и его предшественники, что *доказать наличие плана войны ему не удалось*. Правда, этотъ выводъ не высказанъ, но онъ логически вытекаетъ изъ всѣхъ разсужденій г. П. А. Нивѣ, а также подтверждается оговоркою, что будто бы окончательный текстъ плана *въ дѣлахъ не сохранился*.

По нашему мнѣнію, *никакого плана войны и быть не могло*, такъ какъ она *въ расчеты не входила, а имѣлась въ виду лишь демонстрація съ нѣкоторымъ предпріятіемъ къ движенію*, которое дѣйствительно только и возможно было обратить *«въ простую мѣру предосторожности»*, какъ то Государевымъ словомъ и общалось.

Повелительная необходимость парализовать угрожающее «для сохраненія безопасности» Россіи значеніе Финляндіи въ 1808 г. указывала на два выхода: 1) обратить Финляндію въ «добраго сосяда», что достигалось тѣмъ, что шведскій король, «возжелавъ соединиться съ Россіей», расторгнетъ союзъ съ ея врагомъ Англіей, и 2) обезвредить Финляндію, учинивъ «предпріятіе» съ оккупаціей ея, впредь выясненія «неопредѣлительности расположенія Швеціи къ Россіи». Первый выходъ, какъ то удостовѣряется многими фактами, дать осязательныхъ результатовъ не могъ, такъ какъ швед-

скій король, допустимъ даже невозможное—обратившійся въ «добраго сосѣда», все таки былъ безсиленъ предотвратить непріязненные дѣйствія Англій, которая съ 1807 г. уже примѣняла въ образѣ веденія войны небывалыя военныя обыкновения, а слѣдовательно могла использовать и Финляндію *по своему*, причемъ Россія была бы поставлена въ очень затруднительное положеніе. Второй же выходъ—давалъ прочныя гарантіи, что «пользы Имперіи не будутъ пренебрежены», такъ какъ временная оккупация Финляндіи русскими войсками, съ соизволенія «добраго сосѣда», приводила къ тому, что Англичане, конечно, не найдутъ себѣ пристанища на территоріи шведской Финляндіи.

Такимъ образомъ, обстоятельства того времени, въ сущности, опредѣленно указывали на единое рѣшеніе—быть можетъ демонстративное «предпріятіе» понудить шведскаго короля ускорить дать желательный для Россіи отвѣтъ о тѣсномъ съ нею союзѣ и совершенномъ согласіи на «пріемлемую мѣру», каковою была бы временная оккупация Финляндіи. На этомъ рѣшеніи, какъ извѣстно, Императоръ Александръ I и остановился.

Полагаемъ, что въ такомъ случаѣ планъ будущихъ дѣйствій долженъ бы быть основанъ на соображеніяхъ *«оккупационныхъ»*. Это единогласно и подтверждается и шведскими, и русскими историками. Напримѣръ, г. П. А. Ниве приводитъ такое заключеніе о планѣ:

1) *«Планъ, нося характеръ оккупации, — очевидно, всецѣло основанъ былъ на расчетѣ встрѣтить въ Финляндіи сочувствіе со стороны населенія»;*

2) *«войска непріятеля какъ бы игнорировали вовсе или по крайней мѣрѣ дѣйствія противъ нихъ какъ бы отходили на второй планъ»...*

По нашему мнѣнію, именно эти данныя и указываютъ, что въ планѣ нѣтъ и намекъ на войну, а истинныя намѣренія «предпріятія» выражены ясно, точно и опредѣленно.

Если же мы припомнимъ, что Императоръ Александръ I повелѣлъ *не давать перваго выстрѣла* и заблаговременно (за три дня до перехода границы) распространить по всей шведской Финляндіи наше правительственное сообщеніе («декларацию о положеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціей касательно защиты Балтійскаго моря отъ насильственныхъ дѣйствій англичанъ»), то мы признаемъ, что такія распоряженія не разрушаютъ цѣльности

плана «предпріятія», хотя и обнаруживаютъ демонстративное значеніе послѣдняго.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на такъ называемыя первыя военныя дѣйствія, то и тутъ оказывается, что графъ Буксгевденъ посылаетъ *парламентеровъ* ¹⁾ для какихъ-то переговоровъ и даетъ шведскимъ отрядамъ уйти, заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы *войска дошли* до извѣстныхъ пунктовъ и распространили свои аванпосты, причемъ «первѣйшимъ долгомъ» вмѣняетъ себѣ не операциі, а распоряженія о продовольствіи ²⁾ и кромѣ того, графъ Буксгевденъ, разсылая 10-го февраля 1808 г. извѣстныя прокламаціи, принимаетъ мѣры для разъясненія населенію и финскимъ войскамъ, что къ нимъ идутъ «*не враги, а друзья и покровители*». Конечно, всѣ эти особенности первыхъ военныхъ дѣйствій, по нашему мнѣнію, нисколько не расходятся съ планомъ «предпріятія», но за то предотвращаютъ всякую возможность включать такія особенныя дѣйствія въ число дѣйствій, предусмотрѣнныхъ по плану войны, даже если судить о послѣднемъ по исполненію.

Итакъ, повторяемъ, что на вопросъ о существованіи плана войны, разработаннаго къ тому же цѣлымъ синклитомъ до Спренгпортена включительно, слѣдуетъ безусловно дать *отрицательный отвѣтъ*. Что же касается до соображеній относительно приведенія «предпріятія къ движенію», то таковыя дѣйствительно были, причемъ они не только были разработаны предварительно (напримѣръ, *мнѣніе генералъ-отъ-инфантеріи Буксгевдена о переходѣ черезъ границу* и др.), но и дѣлались непрерывно, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ обстоятельства, коими демонстрація сопровождалась...

Переходя къ вопросу о времени приведенія такъ называемаго «плана войны» въ исполненіе, мы не вполнѣ раздѣляемъ высказанныя г. П. А. Нивѣ по этому поводу сужденія (см. «Воен. Сборн. 1908 г. № 2, стр. 21 и 20, № 4, стр. 19, № 5, стр. 3 и 2, № 8, стр. 15 и др.).

¹⁾ Этого не отрицаютъ даже и шведскіе историки (см. «шведская война 1808—1809 гг.», ч. II, стр. 78).

²⁾ Напоминаемъ, что первое донесеніе графа Буксгевдена не реляція, а всего отчетъ, преимущественно объ устройствѣ продовольствія и проч. по выступленіи за границу.

Указывая, что «сверху были настоянія о скорѣйшемъ открытіи кампаніи», г. П. А. Нивé добавляетъ, что «послѣднее, очевидно, объяснялось сознаниемъ важности захватить шведовъ неготовыми и начать военныя дѣйствія до окончанія зимы», а также отмѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что «ожидать результата посланнаго ультиматума (напоминаемъ, что въ дѣйствительности это было всего правительственное сообщеніе «касательно сношеній Россіи съ Швеціей») равносильно было отсрочкѣ кампаніи почти на мѣсяцъ» и что «при сложившейся обстановкѣ даже часъ промедленія игралъ въ руку непріятеля», подвергая успѣхъ риску.

Въ эти выводы г. П. А. Нивé, относительно и вѣрныя, необходимо ввести поправки, основанныя не на теоретическихъ данныхъ, а на дѣйствительномъ положеніи дѣла.

Полагаемъ, что «предпріятіе», на которое рѣшился Императоръ Александръ I, только тогда могло привести къ положительнымъ результатамъ (оккупация Финляндіи и расторженіе союза Швеціи съ Англіей), когда шведскій король, будучи изолированъ отъ своего союзника, дѣйствительно можетъ почувствовать «понужденіемъ» «безъ всякаго промедленія рѣшиться принять мѣру», которая предотвратила бы «чувствительное прискорбіе», въ видѣ «разрыва Швеціи съ Россіей» ¹⁾. Подѣйствовать же въ такомъ направленіи на шведскаго короля только и возможно было *въ періодъ зимняго времени*, когда Швеція была отрѣзана и отъ Англіи, и отъ Финляндіи.

Затѣмъ, по самому плану «предпріятія» видно, что отвѣтъ шведскаго короля на наше правительственное сообщеніе (отъ 10-го февраля 1808 года), посланное въ Стокгольмъ 6-го февраля, могъ имѣть настоящее значеніе тогда, когда Императоръ Александръ I, парализовавъ угрожающее для Россіи значеніе Финляндіи, имѣлъ основаніе обратить оккупацию ея «въ простую мѣру предосторожности». Достигнуть же этого опять таки было возможно *только въ періодъ зимняго времени*.

¹⁾ Въ кавычкахъ приводятся выраженія изъ нашего правительственнаго сообщенія отъ 10-го февраля 1808 г.

Далѣе, *безкровныя дѣйствія* «предпріятія», которыя предусматривались планомъ, могли имѣть мѣсто тогда, когда вооруженныя силы Финляндіи были неготовы, а населеніе не могло начать активно выказывать свои «чувствованія», рѣшившись *на народную войну*. Разсчитывать же на такой благопріятный исходъ опять таки возможно было, начавъ «предпріятіе» *только въ періодъ зимняго времени*.

Такимъ образомъ, при сложившейся обстановкѣ мы безусловно вынуждены были начать свою демонстрацію *только зимой*, не считаясь даже, ради успѣха «предпріятія», съ окончаніемъ форсированной къ нему подготовки, которая фактически была исполнена почти въ 3—4 недѣли и носила *характеръ полнѣйшей импровизаціи*.

Правильно-ли заключеніе г. П. А. Ниве, утверждающаго «словомъ сказать, мы шли черезъ шведскую границу, можно сказать, *почти (?) съ завязанными глазами*», мы разбирать не будемъ, а укажемъ на факты имъ же удостовѣренные:

1) *9-го февраля*, на разсвѣтѣ, въ сильную мятель и стужу войска наши перешли границу, а въ это время въ Ботническомъ заливѣ появились уже *плавучіе льды*, прервавшіе сообщеніе съ Швеціей на три недѣли;

2) въ теченіе почти 3-хъ-мѣсячнаго зимняго похода, войска наши, *не встрѣчая ниодъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія*, заняли южную и юго-западную часть Финляндіи *вплоть до линіи Бьернеборгъ-Куопіо*.

Полагаемъ, что давленіе «сверху» о скорѣйшемъ открытіи дѣйствій «предпріятія», а не открытіи кампаніи, было вполне основательно, и, судя по исполненію (занятіе значительной части Финляндіи), конечно, дѣйствія эти были бы невозможны съ «почти завязанными глазами».

По нашему убѣжденію, такіе результаты достойны удивленія, потому что обстановка въ короткое время претерпѣла значительныя, неблагопріятныя для насъ, измѣненія. *Шведы*, какъ извѣстно, *объявили войну самымъ дѣломъ, издавъ манифестъ объ этомъ ядрами*, а шведскій король не только не «возжелалъ соединиться съ Россіей, но цѣлымъ рядомъ дѣйствій (арестъ нашего посла Алопеуса, конфискація его архива, арестъ курьера съ депешами и опубликованіе ихъ во всеобщее свѣдѣніе) подтвердилъ правильность изданія шведами манифеста о войнѣ.

Вотъ почему и графъ Буксгевденъ, вынужденный *планъ «предпріятія приспособить къ войнѣ»*, въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ совершалъ *возможное*, а далеко *не лучшее*, такъ вести войну приходилось во всѣхъ отношеніяхъ на *импровизированныхъ* началахъ.

А. М. Борисевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

